

Рустем и Зораб: Зораб и Хеджир

Category: Kitapcy, Poemalar

написано kitapcy | 25 января, 2025

Рустем и Зораб: Зораб и Хеджир Книга шестая. Зораб и Хеджир

I.

Когда взошла заря на небо,
Зораб взошел на башню замка;
С ее площадки мог он весь
Иранский стан как на ладони видеть.
И он велел позвать Хеджира.
Он думал: «Синда нет; Хеджир
Рустема, верно, знает; мне
Его укажет он». Хеджир
Окованный был приведен. Оковы
С него своей рукою сняв, Зораб
Сказал: «Хеджир, железа плена
Я золотом свободы заменю,
Когда ты мне по правде дашь ответ
На все, о чем тебя расспрашивать я стану;
Будь откровенен; с чистым,
А не с подмешанным вином
Подай теперь свою мне чашу». —
«Я не солгу, — отвечал Хеджир, —
Готов я на твои вопросы
Все объявить, что самому
Известно мне». — «Богатые шатры
Я в стане вижу, — продолжал Зораб. —
Какому витязю, скажи мне, каждый
Из тех шатров принадлежит?
Когда о том по истине мне скажешь,
Тебя осыплю золотом и честью;
Когда же нет, не усидит

Твоя на шее голова». —
«Чего же медлишь? — возразил
Хеджир. — Расспрашивай, я буду
По правде отвечать; лжецом
Я не бывал, а смерти не страшуся».

II.

И начал спрашивать Зораб:
«Там, в середине самой стана,
Я вижу золотой шатер;
И от него идут во все концы
Дороги; и по тем дорогам
Одни к шатру медлительно подходят,
Как будто с робким ожиданием;
Другие весело отходят от шатра,
Как бы с исполненной надеждой.
И весь он от подошвы
До маковки сияет,
Как солнце, золотом; у входа
Лежат, как две ручные
Собаки, лев и тигр; а на вершине
Сидит орел; и держит он
В когтях распущенное знамя
С изображеньем солнца.
Такой шатер не витязю простому
Принадлежит; скажи мне, чей он?» Гордо
Поднявши голову, сказал Хеджир:
«В нем шах Ирана обитает.
Перед его престолом день и ночь
Дружина верная стоит
Телохранителей. И никакой
Не страшен враг великому царю». —
«Налево, — продолжал Зораб, —
Разбит серебряный шатер;
Он к золотому обращен
Своим открытым входом;

У входа барс и леопард;
А наверху я вижу грифа:
Широко веющее знамя
С изображением луны
В когтях серебряных он держит». —
«Там обитает, — отвечал
Хеджир, — сын шаха Ферабор, ближайший
К престолу и к цареву сердцу».
На то Зораб сказал: «Им честь и слава!
Когда одна душа в отце и в сыне,
Они всю землю завоюют».

III.

И продолжал расспрашивать Зораб:
«Направо там от золотого
Шатра стоит, я вижу, черный;
Он окружен бесчисленною стражей;
И беспрестанно скачут
К нему и от него гонцы.
У входа слон, покрытый пышным
Ковром, и на его спине
Огромные тимпаны войска;
А на верху шатра сияет
Дракон; в его разинутую пасть
Водружено распущенное знамя;
Оно усыпано звездами
И расстилается, как небо,
Широко вея, над шатрами.
Кому такая почесть?
Кто разделяет власть с державным шахом?» —
«Его военачальник Тус, —
Ответствовал Хеджир: — он сродник шаха,
И право он имеет родовое
В сраженьи место заступать царя;
На зов его сошлось это войско,
Грозящее гибелью тебе.

А над шатром воздвигнутое знамя
Есть наша царская хоругвь.
Его воздвиг великий Феридун,
Убив Согака, на плечах
Носившего живых, приросших к ним драконов;
К святой хоругви этой
Прикована победа:
Она в союзника отважность проливает,
Бледнеет враг, ее увидя».
Зораб при этом слове улыбнулся
И продолжал: «А этот пурпуровый
Шатер кому принадлежит?
И кто седой, могучий воин,
Перед его сидящий входом?
Толпою ратников он окружен;
Одни из них уж в годах зрелых,
Другие молоды, и все
К нему лицом обращены
И перед ним стоят благоговейно,
Как сыновья перед отцом?» Из сердца
Хеджирова, как острый
Кинжал, в нем глубоко сидевший,
Исторгся вздох, когда он отвечал
Зорабу: «Это старец
Гудерс; он мудр и кроток речью,
Мечом пронзителен и крепок,
Он сильный царь в своей семье
И может царство защитить
Один, собрав своих домашних;
С семидесятью девятью
Он сыновьями в войско шаха
Пришел против тебя... а я
Осьмидесятый; и меня
В строю их нет». — «Зачем дался ты в плен? —
Сказал Зораб. — Открой мне правду
И нынче ж будешь вместе с ними».

IV.

«Но чей, скажи, зеленый тот шатер,
Который, как дремучим лесом
Покрытая гора, меж невысоких
Холмов стоящая, над всеми
Шатрами поднялся? И так же тверд он,
Как та гора: на ней растущий лес
Дрожит, шатаем бурей,
Она ж не двигается, и шаткий лес
За корни, в грудь ее вонзившиеся, держит.
Конечно, тот шатер великий
Сильнейшему в иранском войске
Принадлежит? Перед шатром
Сидит, я вижу, воин; близ него
Стоит, я вижу, конь;
Тот воин великан;
Тот конь чудовище; и воин
Сидит не на высоком месте,
А всех, кругом стоящих,
Он перевысил головой;
Все на него почтительно глядят;
А он глядит с любовью на коня,
Товарища испытанного в битвах;
Копытом конь нетерпеливым
Разбрасывает землю, а когда
К нему протягивает руку
Его могучий господин –
Он чутко уши подымает
И фыркает; когда же
Его волнистую он треплет гриву –
Конь бесится, кругом
Стоящие приходят в ужас,
А господину весело и любо.
К его бедру привешен меч,
Прислонена к его колену
Дубина; их никто другой не сможет

Поднять; когда дубиной он
Над головою конской машет
Иль из ножон до половины
Выхватывает меч —
Конь прыгает, послыша свист дубины,
И громко ржет, увидя блеск меча.
Мне никогда такой седок,
Мне никогда подобный конь
Не попадался — конь, который
Одним таким лишь седоком
Обуздан может быть; седок,
Которого такому лишь коню
Поднять и вынести можно. Верно,
О седоке и о коне
И стар и мал в Иране знает.
Скажи, Хеджир, их имена».
Он замолчал, как будто убежденный,
Что эти имена: Рустем и Гром;
Но он услышать их
Хотел из уст Хеджира.

V.

Хеджир задумался; ему пришло на память,
Что, с ним вступая в бой, Зораб
Своим отцом назвал Рустема;
И про себя Хеджир подумал:
«Когда тебе Рустем отец,
Не мною с ним ты будешь познакомлен;
Его узнав, с ним в бой ты не пойдешь;
Тебя узнав, не булаву
Железную он на врага подымет,
А нежною прижмет рукою
К отеческому сердцу сына.
Нет! От Рустемовой руки
Тебя спасти я не намерен».
Так рассуждал с самим собой Хеджир.

«Что ж ты умолк? – спросил его Зораб. –
О чем бормочешь сам с собою?
Со мною говори». – «Я думаю, – сказал
Хеджир, – и не могу придумать,
Кто этот чудный витязь.
Его мне знаки неизвестны;
Конечно, он в отсутствие мое
В столицу шаха прибыл:
К нам слух дошел, что сильный богатырь
Из Индии далекой
Царем на помощь вызван, –
Быть может, это он.
И подлинно, в нем что-то есть чужое». –
«Но как зовут его?» – спросил Зораб.
«Не знаю», – отвечал Хеджир.
«Не может быть! ты должен знать;
Скажи, я требую». – «Не знаю», –
Твердил Хеджир упорно.
И в тяжком был Зораб недоумение;
Рустемовы все признаки он видел,
Ему и сердце говорило,
Что был в глазах его Рустем, –
Но имени желанного не мог он
Ни просьбой, ни угрозой вырвать
Из непреклонного Хеджира.
И снова стал расспрашивать его
Зораб: «Кому принадлежит
Тот светло-розовый шатер?»
«Его назвать могу я, – отвечал
Хеджир: – могучему Гуразу».
«А этот желтый чей?» – «Гургинов».
«А этот голубой?» – «В нем Геф живет,
Рустемов зять». При этом на Хеджира
Зораб разгневанные очи
Оборотил: «Теперь мне явно,
Что ты бесстыдный лжец; мне всех
Назвал ты, об одном Рустеме

Ни слова. А Рустем – душа Ирана,
И без него сражений не бывает.
Между шатров там нет ни одного,
Принадлежащего Рустему; где же
Рустем? Его с намереньем скрываешь
Ты от меня. Но чудный воин тот
Перед шатром зеленым – он, конечно,
Рустем. Скажи, Хеджир; скажи, что это он!
Все признаки Рустемовы я вижу;
Недостает мне только убежденья;
Но я из всех, кого там видел,
Желал бы, чтоб Рустемом был
Один лишь этот. О! скажи,
Скажи, Хеджир, что это он! и ты
Немедля в стан к отцу и братьям будешь
Отпущен с честью и дарами». –
«Зачем, – спросил Хеджир, –
Ты так, Зораб, нетерпеливо
Узнать Рустема хочешь? Мой совет:
Не выходи против него. Тебе
Перед Рустемовой ужасной силой
Не устоять; когда Рустем
На Громе в поле выезжает,
И лев и крокодил приходят в трепет;
Он взглядом посылает смерть;
Его дыханье – буря; он, как прутья,
Ломает крепкие деревья;
И кто б его противник ни был,
Хотя б он тверже был кремнистой
Горы, его Рустем растопчет,
Как слон траву сухую, в пыль.
Но, к счастью своему, грозы
Ты избежал: Рустема в войске нет;
С царем поссорясь, он
В Сабулистан свой возвратился
И там, о битвах позабыв,
В роскошном розовом саду

Пирует весело с гостями
И ждет спокойно за вином,
Чем кончится набег на нас Турана».
Так говорил Хеджир Зорабу:
Его хотел он обмануть,
Придумавши вражду царя с Рустемом;
Но вместо лжи сказал случайно правду.

VI.

«Ты надо мной ругаешься, – воскликнул
С негодованием Зораб. –
Молчи, презреннейший из всех
Гудерсовых осьмидесяти сыновей!
Поверю ли, чтоб пехлеван Ирана,
Чтобы Рустем, властитель боя,
От боя убежав, лениво
Под кровлю домашней пировал?
Тогда б и женщины и дети
Его достойно осмеяли.
Поссориться он мог, конечно, с шахом,
Когда, забывшись, шах его,
Завоевавшего ему отцовский
Престол, чем оскорбил; но Кейкавус
Еще не потерял рассудка;
И если подлинно он в ссоре был с Рустемом,
То уж они, наверно, примирились:
Кто заменит Рустема Кейкавусу?
Что значит туча громовая
Без молнии и грома? Без Рустема
Что ваше войско, что и весь
Иран ваш значит? Говори ж
Немедля, кто Рустем? Иль вмиг твоя
Перелетит через ограду замка
К шатрам иранским голова».
Хеджир от злости побледнел.
«Ты из меня, – подумал про себя он, –

Насилием не вырвешь слова,
Которого сказать я не хочу.
Не страшны мне твои угрозы;
Меня убьешь ты — от того
Не потемнеет день и в кровь
Вода не превратится;
Гудерсу только из своих
Осьмидесяти сыновей
Придется вычесть одного;
Зато с семидесятью девятью
Он выйдет мстителем кровавым
Против Хеджирова убийцы».
И он сказал: «Зачем, Зораб,
Ты так беснуешься напрасно?
Меня убить грозишься ты —
Убей, ты властен; имя ж,
Которое так жадно хочешь слышать,
Останется во мне, как запертое
В могиле; я не вымолвлю его,
Хотя б и знал стократно, кто и где
Рустем. Убей меня — пусть кровью заплачу
За стыд, что был ничтожнейшим из всех
Гудерсовых осьмидесяти сыновей».
Так он сказал. Зораб в кипенье гнева
Схватил свой меч, чтоб грудь пронзить Хеджиру;
Но он одумался и только по щеке
Его с такой ударил силой,
Что он без чувств упал на землю.
«Когда никто, — воскликнул он, —
Не хочет мне Рустема указать,
Мой меч к нему прочистит мне дорогу».

VII.

Зораб сбежал, пылая гневом, с башни,
Вооружился, на коня,
Крылатого дракона, прянул

И поскакал, как буря, к стану.
Он страшен был — кругом его
Клубился, выбитый конем
Из недр земли, кипучий вихорь пыли;
И в этой черной туче
Как молния броня его сверкала,
И громом в ней тяжелым раздавалось
Коня топчущего ржанье.
И прямо на шатры Ирана
Летела туча громовая;
И все покинувшие стан,
Чтоб подышать свободно в поле,
В испуге бросились назад,
Спеша укрыться за окопом.
Так на лугу, заграду табуна
Покинув, скачут жеребята;
Но вдруг, бегущего увидя льва,
Пугаются его косматой гривы
И шумно ломаются в заграду;
Так, ужасом объятые, к шатрам
Все кинулись, увидевши Зораба.
Но, мелкого врага не замечая,
Он вихрем мчался к валу стана,
Чтоб, на него взлетев с конем,
Храбрейшего из витязей Ирана
На смертный вызвать поединок;
И с высоты окопа закричал
Зораб таким гремящим кликом,
Что от него и мертвый бы в могиле
Перевернулся: «Шах великолепный,
Ты чудной пышностью блистаешь
За крепкою оградой стана;
Но покажись, каков ты в чистом поле.
Зачем с своим могучим войском
Ты спрятался там от меня,
Как за плетнем от волка
С овцами прячется пастух?

С моим копьём против тебя
Я выезжаю; в Белом Замке
Был умерщвлен разбойнически Синд;
Я за вином кровавую дал клятву
Разбойнику за друга отомстить
И в ясный день убить убийцу,
Столь храброго лишь темной ночью.
Когда его ты знаешь, повели,
Чтоб шел со мной сразиться;
Когда ж тебе неведом он, то вышли
Иного – лучшего в смертельном деле боя.
Но если из твоей заграды
Никто против меня не выйдет, сам я
В твой стан проникну и к шатру,
Где ты таишься недоступно,
Себе мечом прочищу доступ.
Не устроят меня твои два стража,
Твой лев и тигр; до солнца твоего
Мое копьё крылатое допрянет;
И выронит орел твой из когтей
Ирана царственное знамя;
Я на тебя шатер твой повалю,
И ты от сна беспечного проснешься».

VIII.

При этом клике шах в испуге
Вскочил. «Бегите за Рустемом! –
Он закричал. – Как этот зверь проведаль,
Что в золотом шатре я пребываю?
Скорей, скорей позвать Рустема!»
Рустем сидел перед шатром зеленым,
Когда гонец пред ним явился
И, задыхаясь, возопил:
«Зораб ворвался в стан; на царский
Шатер напасть грозит он;
Спеши, Рустем; на помощь царь зовет».

Рустем, не покидая места,
Сказал: «Служить накладно Кейкавусу;
Покоя нет ни днем, ни ночью;
Я прошлую провел в работе ночь,
Теперь хочу день целый отдыхать».
Но вот второй гонец примчался
За первым, третий за вторым, четвертый
За третьим; быстро,
Как за стрелой из лука стрела,
Они летели друг за другом,
И каждый повторял: «Рустем!
Зораб ворваться хочет в стан;
Беги скорей к царю на помощь».
Увидя общую тревогу,
Рустем сказал: «Да разве небо
Упало? Все дрожат перед одним!
От одного такой пожар всемирный!»
Но вдруг пред ним явились
Вельможи, посланные шахом,
Верховный воевода Тус
И сам царев наследник Ферабор;
И все его доспехи принесли
Они с собой. В молчании угрюмом
Он дал им волю; Тус надел
Тяжелый панцирь на него,
Гургин поножья; шлем
Был подан Ферабором;
Гураз принес колчан и лук;
С копьем, мечом и булавой пришли
Три сына старого Гудерса;
И, наконец, с могучим Громом,
Совсем оседланным, явился зять
Рустемов Геф. Увидя,
Как бешено, почуя бой, кипел
И прядал Гром, его товарищ верный,
Рустем воспламенился;
На Грома он вскочил

И, грозно крикнув, поскакал...

И все очами вслед за ним

В глубоком страхе устремились. Poemalar